

мая
14
2016
0

Б. Хлебников. Предисловие к публикации фрагмента книги Гюнтера Грасса "О бренности"

Относится к лауреату: [Гюнтер Грасс](#) [1]

Тип статьи: Разное

Текст: В июле прошлого года наша гамбургская приятельница Ульрика Патов отвезла нас в Белендорф, где похоронен Гюнтер Грасс.

Мне хотелось побывать там, во-первых, потому что меня связывало с Грассом долгое общение. Мы были знакомы больше двадцати пяти лет. Познакомил нас Чингиз Айтматов в Ганновере, где он с Грассом выступал на заседании знаменитого "Римского клуба". Потом я не раз участвовал во встречах переводчиков Грасса, каждая из которых длилась несколько дней, иногда неделю. Бывал на юбилейных и неюбилейных днях рождения Грасса. Виделся с ним в разных концах Германии и во время его визитов в Москву или Петербург.

А во-вторых, я помнил, насколько сильное впечатление произвела на меня могила Генриха Бёлля в Мертене, небольшом городке под Кёльном.

Дело было осенью 1985 года, когда тот же Чингиз Айтматов совершал свое первое большое турне по крупным городам Западной Германии, от Мюнхена до Гамбурга. Я присоединился к нему в Нюрнберге в результате совершенно авантюрной истории, но об этом лучше рассказать как-нибудь отдельно. Заехали мы и в Кёльн. Здесь Хельмке Кьярелло, секретарша Бёлля, умершего незадолго до нашего приезда, рассказала Айтматову, что Бёлль давно хотел повидаться с ним. Хельмке была поклонницей Айтматова, она даже поддразнивала своего патрона тем, что книги Айтматова, дескать, нравятся ей больше. Бёлль отшучивался: "Я, детка, хорошо тебя понимаю". Личная встреча нобелевского лауреата с киргизским классиком так и не состоялась.

По просьбе Айтматова Хельмке отвезла нас на маленькое мертенское кладбище, которое находилось неподалеку от дома Бёлля. Он любил гулять здесь. Передвигаться ему было трудно, поэтому он подолгу сидел здесь под старым дубом.

Могила была еще свежей. На ней стоял легкий временный крест, украшенный веселыми, разноцветными изображениями небесных светил: солнце, луна, окольцованный Сатурн, хвостатая комета. Жизнерадостное надгробие, напоминавшее детские рисунки, сделал Рене Бёлль, сын писателя.

Это вполне соответствовало рассказу Грасса о самих похоронах Бёлля. Известие о смерти друга застало его в Португалии. Он срочно вылетел в Кёльн, кое-как раздобыл займы черный костюм, который выглядел на нем весьма нелепо из-за слишком большого размера. Есть фотографии, где Грасс рядом с Львом Копелевым и сыновьями Бёлля несет его гроб. Наверное, это было уже на кладбище. А когда процессия только вышла из церкви, "произошло нечто, что было вполне в духе Бёлля и что останется незабываемым в памяти всех друзей, пришедших проводить его в последний путь: перед гробом, который везли очень медленно, перед семьей и всей длинной процессией шел цыганский оркестр, игравший меланхоличные мелодии, но вместе с тем такие, что под них хотелось танцевать. Вероятно, путь от церкви до кладбища был довольно коротким, но мне он показался очень долгим. Мне до сих пор слышится та цыганская музыка. Мелодии, которым ведомо страдание, одновременно вселяли радость. Такова была его воля, не скажу - последняя".

Я догадывался, что и на белендорфском кладбище увижу нечто неожиданное.

Тридцать лет назад Грасс приобрел неподалеку от Белендорфа старый дом лесника с усадьбой, куда ведет от деревни проселочная дорога. Сам Белендорф, насчитывающий меньше четырех сотен жителей, находится примерно в двадцати километрах от Любека, который некогда был столицей Ганзейского союза, куда входил и Данциг (ныне Гданьск), основанный, кстати говоря, любекскими купцами. Первое письменное свидетельство о Белендорфе, что означает "Белая деревня", датируется 1194 годом. Близость к Любеку сыграла решающую роль в выборе последнего места жительства Гюнтера Грасса и его супруги Уты. Грасс чувствовал себя городским жителем, Любек напоминал ему родной и навсегда утраченный Данциг, а Ута, уроженка малолюдного острова Хиддензе, предпочитала уединение. Компромисс устроил обоих.

От Любека до Белендорфа можно добраться на машине за четверть часа. Но в одном месте шоссе оказалось перекрытым, пришлось сделать крюк по проселкам среди голштинских перелесков и желтых рапсовых полей, которые так любил Грасс. Заглядевшись на них, мы проплутали лишних полчаса, но все-таки нашли кладбище. Это был настоящий сельский погост при старинной церкви, сложенной из полевых камней в середине XIII века. Всего несколько десятков могил, в том числе с недавними датами. Мы обошли их раза три, однако могилу Грасса не обнаружили. Тогда я, вспоминая немногочисленные опубликованные фотографии с похорон Грасса, попытался реконструировать ее расположение относительно церкви. Получалась самая окраина погоста, где могил уже не было, однако возле большого одинокого дерева виднелась свежая насыпь земли, похожая на могилу, но уже расползшаяся. На ней стояла банка с водой и увядшими цветами, кажется, дикими розами, а еще миска с плавающими лепестками. Больше ничего. Ни временной таблички с именем, ни какого-либо другого указателя, только четыре воткнутых железных прута обозначали, видимо, размеры участка. Мы постояли в нерешительности. Тут за провололочной оградой кладбища из соседнего дома вышел человек и, не обращая на нас внимания, занялся хозяйственными делами. Я окликнул его, поздоровался, спросил, где находится могила Грасса. Он, почти не поднимая головы, ответил: "Вы стоите перед ней".

Я знал, что для установки надгробия требуется время, чтобы земля хорошенько осела. Но все-таки столь явное отсутствие пиетета по отношению к покойному показалось мне перебором, хотя на Грасса это было вполне похоже.

Спустя месяц после нашей поездки на белендорфское кладбище вышла последняя книга Грасса, одна из тех, где его проза перемежается рисунками и стихами. Она называется "О бренности". Детали оформления Грасс обсуждал со своим издателем Герхардом Штайдлем буквально за день до скоропостижной смерти.

Книга все объяснила. В ней есть фрагмент, который рассказывает о том, как Грасс с женой заблаговременно пригласили к себе знакомого столяра, чтобы заказать себе "ящики". Типично грассовская ирония над трепетным отношением к гробам переключается с нашим идиоматическим выражением "сыграть в ящик". После доставки исполненного заказа на дом Грасс с супругой устраивают "репетицию" лежания в ящиках.

Фрагмент сопровождается четырьмя рисунками. На первом рисунке, занимающем целый разворот, изображен усталый листьями гроб. Только он действительно больше похож на ящик, чем на образец "погребальной мебели". На двух других рисунках (а также на контртителе) - кукушонок. На последнем - клубни далии и луковицы других цветов. Смысл рисунков ясен из текста.

Кроме того, в книге есть стихотворение о загадочной краже заготовленных впрок гробов. Похищенные зимой, они по непонятной причине были возвращены ворами летом безо всяких объяснений. Отсутствовали только клубни далии, которые хранила в своем "ящике" Ута Грасс. Если эпизод, изложенный прозой, вполне походит на правду, то история с кражей - типичная грассовская байка.

Есть в книге и фрагмент под названием "Мой камень". В нем говорится о "камне Сизифа". Этот мотив, заимствованный у Альбера Камю, сопровождал Грасса всю жизнь, а рисунок, изображающий камень, напоминает о том валуне, который по желанию Грасса должны "без

цитат и эпитафий" установить на его могиле.

Валун появился на ней, как и положено, через полгода. Никаких символов и надписей. Только имя, фамилия и даты: 16 октября 1927 - 13 апреля 2015.

Источник (retrieved on 25 Apr 2018 - 09:46): <http://noblit.ru/node/3287>

Ссылки:

[1] <http://noblit.ru/Grass>